
Ф. П. КОСИЦЫНА

МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕФОРМЫ: ТАК ЛИ УЖ УСТАРЕЛ МАРКСИЗМ?

Одним из основных условий успешного реформирования нашего общества выступает, кроме всего прочего, понимание основной массой населения долгосрочных результатов трансформации системы. Однако чем больше времени проходит с начала реформ, тем менее ясной становится перспектива не только для рядового гражданина, но и для «избранных», которые считают себя реформаторами. Ориентация на страны развитого капитализма, что само по себе не плохо, на практике выливается в простое провозглашение намерений, в романтически окрашенный словесный обман и самообман, ибо при выработке очередных программ постоянно отсутствуют два основных условия. Во-первых, глубокий, диалектически всесторонний анализ **исходной ситуации**. Во-вторых, такой же глубокий анализ **современного капитализма**, который, по словам известного французского ученого И. Самсона, был бы «нежизнеспособен без существенных корректировок» и который предстает как результат саморазвития, общественной истории и деятельности людей, а не их намерений»¹.

Отсутствие четкой, научно обоснованной стратегии экономических преобразований (справедливости ради отметим, что и оппозиция не может похвастаться глубокой её разработкой) имеет своим следствием непредсказуемость экономической политики, причем на необозримую пер-

¹ Самсон И. Три этапа перехода постсоциалистической экономики к рынку // Мировая экономика и международные отношения. 1993. № 9. С. 45.

спективу и при любом раскладе политических сил. Характерно, что и Запад, понимая всю опасность неуправляемых изменений в экономике России, всё больше выражается в отношении нас болезнью, названной Международным Институтом Стратегических Исследований «стратегическим артритом».

В российской экономической реформе одна лишь задача бесспорно и устойчиво превалирует: задача ломки центрально-управляемого хозяйства, тщательного вымарывания всяческих следов «социалистических» начал. Но такая однобокая ориентация фактически служит прикрытием для бесконтрольного передела национального богатства страны в пользу лихо соперничающих между собой мафиозно-олигархических группировок. Это объективно сопряжено с попятным движением не только в сравнении с достигнутыми прежними позициями в экономической сфере, но и, что особенно важно подчеркнуть, в сравнении с общим направлением поступательного движения человеческой цивилизации. А это значит, что наша реформа не является таковой по определению. Действительно, по самому своему существу реформа призвана снять старые путы, мешающие развитию, иметь эффект «прорвавшейся плотины»², ускорить поступательное движение, а не парализовать его. Так было в советской реформе периода нэпа, так было в реформе Л. Эрхарда в Германии 1948 года.

Во время кардинальных изменений в общественной жизни и огромной роли субъективного фактора в трансформационных процессах особенно важно постоянно видеть и учитывать взаимосвязь прошлого, настоящего и будущего экономической системы, её реальную диалектику. Сама **методология экономической реформы** должна была стоять в центре внимания реформаторов. Между тем с поистине нигилистическим пренебрежением недоучки провозглашалась опора лишь на так называемый «здравый смысл», который, по меткому замечанию Ф. Энгельса, хо-

² См.: *Дзарасов С. С.* Что же с нами происходит? (Экономико-философские раздумья) // Октябрь. 1996. № 8.

рош лишь в четырех стенах домашнего обихода³. Выработка экономической стратегии возможна только на базе научного метода. Можно согласиться с английским социологом Теодором Шаниным в том, что главная слабость дебатов о «перестройке» (и, соответственно, последующего реформирования) состояла в «непонимании общего характера социальных структур экономического развития, ценности общего метода и системы»⁴.

Плохую услугу реформаторам оказала и продолжает оказывать наша экономическая наука, совершившая в большинстве своем «голое отрицание» прежних методологических оснований (философская наука в этом, к сожалению, тоже не отстает) и, как это всегда бывает в случаях подобного отрицания, продвинувшаяся отнюдь не вперед, а назад. Советская экономическая наука вполне заслужила упрек в том, что она была «зациклена» на марксизме, причем во многом вульгаризированном, и существенно обедняла себя за счет отторжения достижений западной науки. Но не менее справедливо и то, что теперешняя боязнь прикоснуться к «марксистскому» ставит наших исследователей ниже современной западной экономической науки, которая интегрирует в себя, нередко молчаливо, важнейшие диалектико-материалистические подходы к анализу экономики и, в особенности, управлению ею.

Возьмем, к примеру, известное положение о решающей роли непосредственного производства, о его примате над другими сферами экономических отношений (распределение, обмен, потребление). Сформулированное задолго до появления марксистской философии, но воспринятое и развитое ею, это положение сегодня у нас отнесено к разряду так называемых «догм», от которых необходимо решительно избавляться. Между тем именно то обстоятельство, что наша экономическая реформа не нацелена на развитие этой решающей сферы, и служит главной причиной неудач и

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 21.

⁴ Шанин Т. Западный опыт и опасность «сталинизма наоборот» // Коммунист. 1990. № 1. С. 66.

провалов в экономике. «Мы бедны, потому что плохо платим налоги и не желаем делиться», – усматривают главный корень зла наши министры от экономики. «Мы бедны, – разъясняял в 1948 году министр-реформатор послевоенной Германии Людвиг Эрхард, – когда мало **производим**, и соответственно располагаем лишь ограниченным доходом. Мы становимся богаче, когда производим больше, обеспечивая тем самым больший доход благодаря повышенной производительности»⁵. А в наших правительственных экономических программах (в том числе и начала «перестройки») само понятие «производительность труда» даже не фигурирует, как будто это и не критерий прогрессивности трансформационных процессов. Из сказанного выше вовсе не следует, что налоговая система является малозначимой и второстепенной и что для Л. Эрхарда она не стояла в центре внимания. Напротив, безотлагательная налоговая реформа, которую он немедленно осуществил вместе с реформой денежной, создала мощные стимулы к такому же немедленному развитию **производства**. И при всей строгости по отношению к налоговым сборам он постоянно не забывал подчеркивать, что **основой** развития экономики являются не полицейские меры.

«Устарелость» марксизма нередко обосновывается у нас на основе вменения ему таких положений, на которые сам Маркс наверняка отреагировал бы так, как ему нередко приходилось это делать при жизни: «Я знаю только одно, что я не марксист»⁶. Так, поистине жалким выглядит утверждение некоторых «знатоков» марксизма (идеологов «перестройки», а в какой-то мере и последующих реформ), будто Маркс рассматривал капитализм как общество, «которому противоестественны научно-технический и социальный прогресс и всё другое»⁷. Ведь уже в «Манифесте

⁵ Эрхард Л. Полвека размышлений: Речи и статьи. М., 1993. С. 90. (Подчеркнуто нами. – Ф. К.)

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 383.

⁷ Яковлев А. Борьба существует ради мира, но не мир ради борьбы // Рабочая трибуна. 1991. 16 мая. С. 2.

Коммунистической партии» основоположники марксизма подчеркивали: «Буржуазия не может существовать, не вызывая постоянно переворотов в орудиях производства, не революционизируя, следовательно, производственных отношений, а стало быть, и всей совокупности общественных отношений»⁸. В «Капитале» это важнейшее положение уже не просто провозглашено, а научно доказано, что именно повышение производительности труда, научно-технический прогресс, постоянные перевороты в производительных силах лежат в основе производства относительной прибавочной стоимости, анализу которого посвящена добрая половина 1-го тома «Капитала». А если наш идеолог и слышал что-то о «границах применения машин при капитализме», то именно у Маркса показан не абсолютный, а относительный характер этих границ, преодолеваемых всякий раз при посредстве всё тех же «принудительных законов конкуренции» (а сегодня ещё и во многом за счет «корректировок» в направлении социализации).

Процессы социализации в развитых странах затронули все стороны, уровни и срезы экономической системы, в том числе и **форму организации общественного хозяйства**. Последняя всё больше вынуждена стремиться к оптимальному сочетанию стихийно-рыночных и сознательно-планомерных начал как на макро-, так и на микроуровне. В западной экономической литературе это явление наиболее последовательно отражал в своих работах американский экономист Дж. Гэлбрайт. В нашей отечественной литературе одним из первых на это указывал академик Е. Варга, за что в свое время и подвергся резкой критике со стороны бдительных идеологов. Он подчеркивал, что «догматическое разделение **либо на полную анархию производства, либо на полное плановое хозяйство** является неконкретным, немарксистским, неправильным»⁹. Думается, сегодня такое утверждение опять пришлось бы «не ко

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 427.

⁹ Варга Е. С. Капитализм после второй мировой войны. М., 1974. С. 215.

двору»: не в том смысле, что будут ругать, а в смысле глухоты «двора», окруженного теперь уже плотной стеной сторонников безоглядной либерализации.

Современный технико-технологический базис, подвинувший человеческую цивилизацию на новую, компьютерно-информационную ступень, требует постоянного макроэкономического учета и контроля, всестороннего «обсчета» экономики как целого, выявления общих ее тенденций, поощрения позитивных и сглаживания негативных (с точки зрения интересов всего общества) процессов. Для этого государство использует фундаментальную научно-техническую базу, вырабатывает строгую правовую основу, создает конкретно-организационные и маркетинговые службы, воздействует финансовыми рычагами, разрабатывает общие прогнозы и модели развития экономики, обеспечивает производителям доступ к информации и т. п. Именно благодаря такой деятельности государства современный производитель (не только крупный, но и мелкий) действует уже не вслепую и потому уже не в такой степени, как прежде, подвержен воздействию стихийно-рыночных сил.

В этом отношении российская экономика идет не в ногу с общецивилизационным развитием. В результате проводимых мероприятий многие формы и учреждения централизованного управления экономикой оказались разрушенными, в том числе и такие, как Госплан. Между тем подобные учреждения (в разных странах они лишь по-разному называются) необходимы, играют огромную роль в придании рыночной системе цивилизованного, социально направленного характера. И у нас, видимо, речь должна была идти не о ликвидации, а о вливании нового содержания в необходимые формы централизованного управления экономикой. Не взятую «с потолка» директиву должен выдавать Госплан, но научно обоснованный прогноз, **рекомендацию** как для правительства, так и для хозяйствующих субъектов. Никакой «экономический советник», будь

он семи пядей во лбу, не может заменить собой учреждения типа Госплана. Ликвидация этого учреждения – одно из проявлений чистейшего волюнтаризма. Тем более, если учесть, что централизованное управление **переходными** процессами необходимо даже в большей степени, нежели для сложившейся рыночной системы.

Показательно, что в нашей пропагандистской литературе и в околоправительственном теоретико-экономическом окружении утверждается, что проводимая у нас либерализация находит в среде западных ученых чуть ли не единодушное одобрение. В действительности это далеко не так. В современной буржуазной экономической литературе существуют не просто отдельные авторы, а целые научные школы и направления, критически относящиеся как к нашим собственным упованиям на тотальный рынок, так и к соответствующим рекомендациям, идущим к нам от других западных же ученых или от некоторых экономических организаций типа МВФ. Укажем, к примеру, на структуралистское направление в экономической науке США, представители которой убедительно доказывают, что генерирование, регулирование и контроль над рынком являются не каким-то заговором социалистов, профсоюзов и других сил, а выступают необходимостью, без которой сегодня не может быть эффективного и социально направленного рынка.

Один из ведущих представителей указанного направления, Лэнс Тейлор, обобщая опыт многих развивающихся стран, показывает несостоятельность также и утверждения о том, что только полная и последовательная либерализация экономики способна обеспечить политическую демократизацию общества. «Посылки Хайека и Мизеса, лежащие в основе многих экономических советов, которые получают постсоциалистические государства, и гласящие, что полностью либерализованные рынки – необходимое условие политической свободы, и **неверны**, и бесполезны для достижения этих целей... Чем дольше государство будет экономически пассивным, тем выше риск новых деся-

тилетий политического упадка»¹⁰. Сегодняшняя Россия – нерадостное тому подтверждение.

Экономическая либерализация действительно была необходима, но либерализация разумная, осторожная. Впрочем, то же самое следует сказать и о государственном вмешательстве в экономику. К сожалению, пока наше государство активно вмешивается в экономику скорее либо в качестве главного рэкетира, либо главного вдохновителя новых переделов собственности, но отнюдь не в качестве умелого дирижера по отношению к общественному производству. Научиться оптимально сочетать стихийно-рыночные механизмы с сознательно-планомерным регулированием экономики – важнейшая стратегическая задача любой экономической системы в современных условиях, хотя оптимум для каждого исторического периода и для каждой конкретной страны, разумеется, не одинаков. Игнорирование такой задачи, догматическое противопоставление указанных противоположностей в пользу той или другой, как нам и прежде приходилось отмечать¹¹, неминуемо ведет к тупиковому состоянию экономики, выводит её из общего русла цивилизованного развития. Конечно, нельзя не подчеркнуть, что государственное регулирование должно усиливаться одновременно с общим процессом демократизации и формирования гражданского общества. Иначе волюнтаристское и бесконтрольное вмешательство полицейского государства не только не будет способствовать нахождению оптимума, но способно задушить любую форму собственности и любую форму хозяйствования, привести к катастрофе.

Процессы социализации в развитых странах сегодня выражаются не только в усилении регулирующих и перераспределительных функций государства, но и в глубоких изменениях, происходящих в самой капиталистической

¹⁰ *Тейлор Лэнс*. Постсоциалистический переход с точки зрения экономики развития // *Мировая экономика и международные отношения*. 1993. № 1. С. 73, 74.

¹¹ См.: *Косицына Ф.* О методологии анализа товарного производства при социализме // *Экономические науки*. 1972. № 9.

собственности. Другими словами, они затрагивают не только **форму** организации, но и само **содержание** экономической системы. Возросший уровень производительных сил, высочайшая степень обобществления производства, усложнение техники и технологических процессов предъявили новые требования к главной производительной силе общества – трудящимся. Для достижения даже чисто капиталистических целей в современных условиях требуется уже не односторонний рабочий, а всесторонне развитая личность, творческий потенциал которой реализуется и в производстве, и в потреблении, и в управленческих процессах, и в нравственных отношениях. Такая всесторонность развития рабочего, отражающая преодоление крайних форм отчуждения, – ещё не самоцель, но уже и не только средство. Это такая «подцель», которая заставляет в разных формах приобщать рабочего к собственности, к присвоению прибавочного продукта (в США, например, дополнительные выплаты к заработной плате в самых различных формах составляют свыше 36% общих расходов на рабочую силу). С учетом мощных перераспределительных процессов через госбюджет всё это означает, что процессы обобществления сегодня затрагивают не только производство, но и присвоение. Тем самым осуществляются шаги в сторону сглаживания сторон основного экономического противоречия капитализма – между общественным характером производства и капиталистическим присвоением. Это создает объективную основу для сглаживания антагонизма в классовых противоречиях: отношение между трудом и капиталом всё больше эволюционирует от противостояния-вражды к противостоянию-партнерству, носящему не разрушительный, а конструктивно-созидательный характер.

И в этом отношении наша экономическая реформа продвигает нас не вперед, а назад. Обвальная, бесконтрольная приватизация была направлена прежде всего на такие звенья, которые как раз **переросли** управление акционерных обществ (экономические артерии, естественные монополии, нефтяная и газовая промышленность, энерге-

тика и т. д.). **Экономической необходимости** в приватизации таких ведущих звеньев не было, государственным и, тем более, общенародным интересам это не отвечало. Разбалансированность хозяйственных связей, натурализация обмена, дезинтеграция крупного производства существенно снизили и без того не слишком высокий общественный характер производства. А субъективистский характер приватизации не заложил предпосылки для роста обобществления производства в ближайшем будущем. Характер присвоения деградировал, ибо не были заложены основы для сочетания мотивов частного интереса с задачами усиления социальной справедливости (это гораздо более сложная задача, чем простая приватизация).

Пренебрежительно-высокомерное отношение к людям труда, прикрываемое формулой «непопулярные меры», изъятие у них не только прибавочного, но и большей части необходимого продукта, лицемерный характер демократии, коррумпированность представителей правящего режима – всё это говорит о движении России не в ногу с цивилизацией, а следовательно, и о недалёковидности сегодняшних реформаторов, столь ревностно охраняющих «свой курс», ставящих свои сиюминутные интересы превыше всего.

В этой связи весьма актуально звучит замечание Г. Маркузе о том, что в поиске оптимальных способов организации общества «надо абстрагироваться от существующих институтов, но это должно выражать действительную тенденцию, то есть их преобразование должно быть действительной потребностью **основного населения**»¹². Если же преобразования в экономике не отвечают интересам основного населения, сужается социальная база реформы, её социальная поддержка всё более ослабляется. В этом её обречённость.

Движение современного капитализма в направлении перерастания самого себя происходит именно на основе **внутренних** законов и противоречий капитализма, откры-

¹² Маркузе Г. Одномерный человек. М., 1994. С. XIV. (Подчеркнуто нами. – Ф. К.).

тых Марксом. Все другие факторы (и борьба рабочего класса, и воздействие социализма, его лозунгов и идей) послужили лишь катализаторами этого процесса. Основным же фактор – внутренний для экономической системы. У Маркса, как отмечал в свое время крупнейший западный экономист Й. Шумпетер, «существует внутреннее экономическое развитие, а не простое приспособление к меняющимся показателям»¹³. В силу этого современная эволюция капитализма отнюдь не опровергает экономическое учение Маркса, а подтверждает его. Не боясь оказаться старомодными, видные западные экономисты, авторы популярного учебника «Экономика для всех», пишут: «Мы обязаны Марксу основной идеей – что капитализм есть развивающаяся система, вышедшая из специфического исторического прошлого и медленно и неровно движущаяся к плохо различимой иной форме общества. Эта идея принята многими учеными социологами, которые одобряют или не одобряют социализм и которые в большинстве своем ярые антимарксисты»¹⁴.

Ярость наших доморожденных антимарксистов иногда ставит в тупик даже самых закоренелых оппонентов Маркса на Западе. Хотя, надо сказать, подобный наш решительный «разворот», по удачному выражению кого-то из западных ученых, заставляет испытывать не столько шок удивления, сколько шок узнавания. И в самом деле, нам не привыкать сбрасывать с книжных полок авторитеты. Самое обидное и, может быть, самое трагическое для нас состоит в том, что отбрасывается, замалчивается, уходит в тень самое ценное в марксовой методологии анализа экономической системы: принципы её организации и саморазвития.

Анализируя капитализм как наиболее развитую систему общественного хозяйства, Маркс выделяет в ней глубинную **основу**, которая несет на себе как бы всю систему, определяя её сущность. Эта основа включает в себе главные источники и механизм развития системы. Исследова-

¹³ Шумпетер Й. Теория экономического развития. М., 1982. С. 196.

¹⁴ Хайлбронер Р., Тароу Л. Экономика для всех. Лондон, 1991. С. 36–37.

нию её в «чистом» виде посвящен первый том «Капитала», представляющий собой поэтому относительно законченное целое. При этом раздвоение единого и познание противоречивых частей его как раз выражается в том, что единая целостная основа рассматривается и со стороны ее содержания, и со стороны её формы, которая тоже существенна.

Следовательно, анализ основы буржуазной экономической системы включает в себя анализ исходной товарной формы (её основного закона и основного противоречия) и анализ капитала, основной формы капиталистической собственности, в которой неразрывно слиты процессы производства и присвоения (основного экономического закона, основного экономического противоречия капитализма). Такая «двойственность», когда речь вроде бы идет о двух основных отношениях, двух основных законах, двух основных противоречиях и т. п., на самом деле не означает дуализма сущности системы. «Действительного дуализма **сущности** не бывает»¹⁵. Это значит, что «одно» из выделенных «двух» берет верх над другим. Ведущая роль содержания по отношению к форме предопределяет то, что в полном и строгом смысле **основным** будет закон (и противоречие) именно содержания, а не формы.

К сожалению, это важное методологическое положение игнорируется на практике при проведении у нас кардинальных экономических преобразований. Сама формула «перехода к рынку» включает в себе указанный порок, ибо подчеркивает только основную форму организации хозяйства и ничего не говорит об основном содержании и новой экономической системы, к которой совершается переход: какая именно форма собственности будет положена в основу этой системы. Упование с самого начала на «смешанный» характер экономики не разрешает проблемы, ибо сочетание разных форм собственности в развитых капиталистических странах, на которые мы ориентируемся сегодня, отнюдь не равнозначно «равновесию» этих форм. Си-

¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. I. С. 322.

стема (в отличие от конгломерата) пронизана единым началом, и это единое начало заключено не в каких-то добрых или злых пожеланиях правительства, а в господствующей форме собственности.

Как «органическое целое» экономическая система выступает именно потому, что при всем многообразии отношений, форм собственности всегда есть системообразующая **основа**, то есть такая форма собственности, в которой, во-первых, производство и присвоение нераздельно слиты и, во-вторых, которая «господствует» – не в том смысле, что она подавляет все другие формы собственности, а в том, что именно на её базе производится основная масса совокупного общественного продукта и, следовательно, именно она определяет лицо системы.

В этой связи вряд ли можно согласиться с заключением Л. И. Абалкина, будто «история сняла вопрос о доминирующей роли собственности при образовании формаций. История сняла вопрос и об абсолютных преимуществах одной формы собственности над другой... Современное состояние лучше всего описывается с помощью «теории ниши», в соответствии с которой каждая форма собственности находит то место, ту нишу, где она оказывается более эффективней по экономическим и социальным параметрам, чем любая другая»¹⁶. Сразу же возникает несколько возражений.

Во-первых, неубедителен, голословен основной и единственный аргумент: «история сняла». А что взамен она «поставила»? Ведь экономическая система не исчезла, она остается «органической системой», способной к саморегулированию и саморазвитию. Что делает её **системой**, что её связывает воедино, чем единым она проникнута? Одни лишь «ниши» без того «костяка», в котором они только и могут успешно существовать, не способны обеспечить **целостности** – необходимого признака системы. Костяк нуж-

¹⁶ *Абалкин Л. И.* Российская школа экономической мысли: поиск самоопределения // Экономическая история России: проблемы, поиски, решения: Ежегодник. Вып. 3. Москва – Волгоград: Изд-во ВолГУ. 2001. С. 18.

дается в нишах, он обростает ими, но именно он задает общее направление движения и развития, связывая всё в единое целое.

Во-вторых, какая именно история имеется в виду? Если история развитых капиталистических стран, которая, собственно, и показывает, что человечество, как автор справедливо отмечает, «идет к какому-то принципиально новому типу общественного устройства, которое должно снять конфликтный тип организации общества, основанного на классовых и социальных антагонизмах»¹⁷, то не эволюция ли основного производственного отношения капитализма обеспечивает движение в указанном направлении? А тем самым доминирующая роль собственности не только не «снимается», а, наоборот, лишней раз подтверждается. Если же имеется в виду наша собственная история, то опять же: основная причина краха «государственного социализма» кроется в государственно-бюрократической форме собственности, выступавшей в качестве основной и заключавшей в себе источник будущего конфликта производства и присвоения. И основную причину неудач экономической реформы, как уже говорилось, надо искать на том же глубинном уровне, в двуединой основе экономической системы, разрушенной «до основанья».

Наличие в экономической системе «двух характерных черт»¹⁸, доминирующих и слитых воедино в самой собственности на условия производства, сегодня признают многие влиятельные школы и в социальной философии, и в политической экономии. Авторы широко используемого у нас «Экономика» К. Р. Макконнелл и С. Л. Брю, например, пишут: «Вообще говоря, индустриально развитые страны мира в основном различаются по двум признакам: 1) по форме собственности на средства производства и 2) по способу, посредством которого координируется и управляется экономическая деятельность»¹⁹.

¹⁷ Абалкин Л. И. Указ. соч. С. 18.

¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. 11. С. 451–453.

¹⁹ Макконнелл К. Р., Брю С. Л. Экономика: принципы, проблемы и политика. В 2 т. Т. I. М., 1999. С. 47

Подобная «унификация моделей общественного устройства» Л. И. Абалкину представляется «уныло однообразной», поскольку, мол, в жизни каждая отдельная модель многоцветна, самодостаточна и «выстраивать и ранжировать их по какому-то одному принципу нельзя – это отражение давно устаревших примитивных подходов»²⁰. Но если нет у различных общественно-экономических систем ничего общего, то что делает их однопорядковыми системами? Если, например, анатомия и физиология человека выделяют общие основы «устройства», функционирования и жизнедеятельности такого сложного системного образования, как человек, то можно ли обижаться на них за то, что они увлечены «унылым однообразием» и не дают представления обо всей многоцветности, неповторимости и уникальности отдельного живого человека?

Глубокий сравнительный анализ призван, прежде всего, выявить **исторически всеобщее** – абстрактные контуры устройства всякой общественно-экономической системы. Признавая значимость понимания структуры наиболее многообразной исторической организации производства для исследования сравнительно низших систем²¹, основоположники марксизма в то же время не отрицали большой роли сравнительного анализа низших и высших структур для понимания и самой высшей организации. Так, по свидетельству Ф. Энгельса, для всестороннего исследования буржуазной экономики «недостаточно было знакомства с капиталистической формой производства, обмена и распределения. Нужно было также, хотя бы в общих чертах, исследовать и привлечь к сравнению формы, которые ей предшествовали...»²².

В экономической литературе советского периода сравнительный (компаративный) метод использовался в очень ограниченных пределах и крайне односторонне: не для поисков общезначимого, обеспечивающего преимущество

²⁰ Абалкин Л. И. Указ. соч. С. 18.

²¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. 1. С. 42.

²² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 154.

экономического развития, а для подчеркивания противоположности капитализма и социализма (по принципу «а при социализме наоборот»). В постперестроечной литературе компаративный анализ опять-таки оказался не в чести, ибо во многом нарочитая бессистемность нашей экономической реформы выталкивала в разряд второстепенных, «неактуальных» проблемы системной организации общественного производства.

Конечно, рассуждения об определениях «производства вообще» недостаточны для того, чтобы понять в необходимой степени ту или иную историческую ступень производства. На общих определениях действительно, как предупреждал Маркс, нельзя останавливаться, нельзя ими ограничиваться. Их выявление – только подготовительная, но необходимая работа, ибо сами по себе всеобщие определения выступают как абстракции разумные. Необходимо, настаивал Гегель, «особенно подчеркнуть, что одно лишь сравнение не может дать полного удовлетворения научной потребности и что достигнутые этим методом результаты должны рассматриваться только как подготовительные, хотя и необходимые, работы...»²³. Знание общего облегчает поиски особенного, на фоне общезначимого ярче и рельефнее можно выделить и саму специфику.

Конечно, экономическая наука не может претендовать на отражение экономической системы (а тем более общественно-экономической формации в целом) во всей её «многоцветности». И не только потому, что есть и другие науки, изучающие её, но и потому, что единство общего понятия и конкретного явления всегда противоречиво. Абсолютно «чистых» формаций не бывает. Это, кстати, представляется оппонентам формационной парадигмы общественного развития основанием для утверждения, согласно которому понятие общественно-экономической формации является «мыслительной схемой», а то и просто фикцией. Но, спрашивал Ф. Энгельс, «разве понятия, господствующи-

²³ Гегель. Энциклопедия философских наук. Т. I. М., 1974. С. 274.

щие в естествознании, становятся фикциями оттого, что они отнюдь не всегда совпадают с действительностью?.. В тот день, когда понятие и действительность в органическом мире абсолютно совпадут, наступит конец развитию»²⁴. Но точно так же обстоит дело и в истории. «Разве феодализм когда-либо соответствовал своему понятию?.. Неужели же этот порядок был фикцией оттого, что лишь в Палестине он достиг на короткое время вполне классического выражения, да и то в значительной мере лишь на бумаге»²⁵.

Чистых формаций не бывает прежде всего потому, что любое конкретное общество всегда находится в процессе развития. В связи с этим в любом конкретном обществе наряду с отношениями и учреждениями, которые определяют лицо, облик господствующей формации, могут существовать и, как правило, существуют остатки старых или зародыши новых формаций. Необходимо также учитывать несовпадение хозяйственного, социально-политического и культурного уровней развития отдельных стран и регионов, что также обуславливает внутрiformационные различия и отклонения от «эталона». В общем, как неоднократно подчеркивал Маркс, один и тот же экономический базис – один и тот же со стороны основных условий – благодаря бесконечно разнообразным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям и т. д. – может обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирически данных обстоятельств. Эту же мысль, весьма далекую от провозглашения «унылого однообразия», подчеркивал и Г. В. Плеханов²⁶. Если современный капитализм во многом социализирован и постепенно перерастает самого себя, медленно и неровно движется к «иной форме общества», то формационный подход

²⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 39. С. 357.

²⁵ Там же. С. 356.

²⁶ Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. М., 1956. Т. 2. С. 332.

к анализу исторического развития отнюдь не изживает себя, не превращается в «частный случай», объясняющий лишь «определенный этап исторического пути развития человечества, но не всю его многовековую историю»²⁷. Формационное членение исторического процесса – это не «частный случай», а важнейший **срез** истории, помогающий понять и современность. Естественно, что многомерность общественного развития означает возможность и необходимость других срезов (цивилизационного, личностного и др.), но они должны исследоваться не взамен формационного, а в сопряжении с ним. От такого сопряжения формационная парадигма не только не обедняется, а, наоборот, обогащается. И если можно в чем-то упрекнуть марксизм, то как раз в хроническом его отставании в разработке и использовании других подходов, отставания объяснимого, но недопустимого особенно в сегодняшних условиях²⁸.

Сегодня, когда складывается, «вмещающая в себя всё многообразие и все противоречия истории, **новая форма жизни человечества** – взаимосвязанный, взаимозависимый целостный мир с характерными для него глобальными, всечеловеческими проблемами и отношениями»²⁹, возрастает необходимость усиления интегративных тенденций также и в науке, в том числе общественной. Но именно интегрирование, **синтезирование** всего ценного, что есть и в марксизме, и в западной науке, а не простое объединение под одной крышей взаимоисключающих положений на основе методологического плюрализма и создания, в частности, «общей теории экономической относительности»³⁰.

Методологический синтез, так же как и синтез собственно теоретических достижений, должен осуществлять-

²⁷ Абалкин Л. И. Указ. соч. С. 18.

²⁸ См. об этом подробно: *Кративенский С. Э.* Социальная философия: Учебник для вузов. 4-е изд. М., 1998. С. 163–176.

²⁹ *Алтухов В.* Диалектика целостного мира и новое мышление // *Мировая экономика и международные отношения.* 1989. № 9. С. 53.

³⁰ См.: *Ольсевич Ю.* К релятивистской экономической теории // *Вопросы экономики.* 1995. № 6.

ся на **единой глубинной основе**, отражающей «основное» в самой объективной действительности. Поэтому в строгом смысле, видимо, надо говорить не о разных научных методах, которые конгломерируются, скажем, в экономической науке, а о **едином системном научном методе**, отражающем общие, особенные и единичные черты развития сущности предмета.

В качестве единой системы метод выступает потому, что в совокупности разнообразных принципов, способов, приемов, подходов экономического исследования определенные принципы играют роль **системообразующей основы**, которая пронизывает и лежит «в подкладке» всех других общенаучных и частнонаучных методов³¹.

Такой системообразующей основой могут и должны выступать принципы материалистической диалектики, требующие, во-первых, рассматривать мир таким, каким он является (в самом общем выражении это и означает материализм), а поскольку мир развивается, то, во-вторых, рассматривать его в развитии (а это означает диалектику, которая в таком общем выражении есть лишь последовательно, до конца проведенный и правильно понятый материализм).

Любой специальный метод, чтобы быть до конца научным, не может не исходить из этих двух основных обстоятельств: объективность предмета, которому не следует «вменять» несуществующие свойства, и его развиваемость, диалектичность. Голый «функционализм», голый «структурализм» и т. п., игнорирующие причинно-следственные связи, оставляющие в стороне историческое развитие сущности целостного организма, его внутренние противоречия и тенденции, хотя бы авторы или нет, означают искажение предмета. Наиболее добросовестные из них сами это чувствуют и признают.

Так, патриарх теперешних многочисленных западных «Экономиксов» (которые мы тиражируем, а то и просто

³¹ См. об этом подробно: *Кративенский С. Э., Косицына Ф. П.* К синтезу социально-философского знания // Новые идеи в философии. Вып. 3.: Межвузовский сборник научных трудов. Пермь, 1995.

переписываем у себя) А. Маршалл, изложив в своей основной работе статическую микроэкономическую теорию, критикуя себя сам, то и дело разъяснял читателю, что выводы статистического анализа ненадежны и что микроэкономическая теория не смогла охватить жизненные вопросы экономической политики. «Мекка экономиста», образно говорил Маршалл, лежит не в сравнительной статике и даже не в динамическом анализе, а скорее в «экономической биологии». Комментируя эти глубокие маршалловы признания, широко известный авторитет в области истории экономической мысли, профессор Лондонского университета Марк Блауг разъясняет: «Под «экономической биологией» Маршалл, видимо, подразумевает изучение экономической системы как организма, развивающегося в историческом времени»³². Но разве не Маркс раньше всех других основательно обозначил «Мекку экономиста», проложив к ней магистральный путь своим анализом буржуазной системы? Наша наука, как экономическая, так и философская, будет всё больше отставать, если не повернется лицом к марксистскому методу.

Естественно, что при этом необходимо будет освобождаться от всевозможных его извращений, имевших место у нас. Надо согласиться с З. И. Файнбургом и Г. Р. Козловой в том, что «речь не может больше идти лишь о ритуальных клятвах марксизмом, лишь о вульгарном «марксизме учебников» (термин этот был предложен Р. И. Косолаповым в самом начале 80-х годов), лишь о марксизме неразвитом («предмарксизме») или о вульгаризированном политизированном марксизме, приспособленном к целям апологии «культы личности» (псевдомарксизме)»³³. Это значит, что нам предстоит во многом открывать для себя Маркса, развивая положения его метода и на этой основе интегрируя достижения западной экономической и философской мыс-

³² Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М., 1994. С. 389.

³³ Файнбург З. И., Козлова Г. Р. Формационный подход К. Маркса и развитие социализма // Экономические науки. 1990. № 6. С. 34.

ли. Впрочем, такая же задача стоит и перед западной наукой.

Нам представляется весьма симптоматичным появление на Западе (1993 г.) книги под названием «Призраки Маркса». Её автор, один из лидеров постмодернистской философии, Жак Деррида, недвусмысленно заявил, что «ныне, когда все отреклось от марксизма и он кажется окончательно погребенным, растет ощущение, что от марксизма никуда не уйти. Призрак, вернее, многочисленные призраки Маркса бродят сегодня по всему миру, призывая людей, как тень отца Гамлета, связать концы распавшегося времени»³⁴. Может быть, и нам, разорвавшим все концы времени и двигающимся пока не вперед, а назад, внять этому призыву?

³⁴ Цит. по: Краткая история философии / Под общ. ред. В. Г. Голобокова. М.: Олимп, 1996. С. 56.